

Анастасия Якушева

**ПЕЧАТЬ
АВАИМА**
ПОРОЧНОЕ ДИТЯ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Я49

Якушева А.

Я49 Печать Аваима. Порочное Дитя / А. Якушева — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 368 с. —
(Печать Аваима).

ISBN 978-5-517-12289-6

Странствующий лекарь в поисках забытой правды о Боге Тьмы встречает все больше союзников. Чем дальше уводит тропа, тем больше тайн открывается ему и его спутникам. Старинная крепость, заброшенные архивы, опальный герцог, вероломное предательство и легенды, которые оживают после тысячелетнего забвения. В этих поисках всё не то, чем кажется в самом начале, а события прошлого и настоящего связаны кровавой тайной, которая расколола историю королевства.

Кто запятнал имя Бога Тьмы? И чье дитя несет в себе зерно порока?

В королевстве, полном суеверий и страхов, правда откроется лишь тому, кто отважится заглянуть вглубь веков.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12289-6

© Якушева А., текст, обложка,
иллюстрации, 2025

© Едалина У., карта, 2025

© Т8 Издательские технологии, 2025

Глава 1

Королевство Агрия — на Южном тракте

Уставший, выжженный летним зноем березняк примыкал к пожелтевшему, такому же уставшему лугу. Мелко трепетали сухие бумажные листочки, а душный, прогретый за день воздух вязко подрагивал, неохотно пуская сонных, тяжелых от духоты насекомых.

На самой опушке, где деревья стояли свободнее, расположилась на отдых разношерстная компания: высокий воин, скрытый под капюшоном плаща; миниатюрная девушка, которая тоже не скинула плащ, несмотря на жару; блондинка, одетая на мужской манер, и молодой темноволосый мужчина.

Вечерело.

Блондинка задумчиво поглядела в огонь и спросила темноволосого:

— Ты не хочешь снова надеть свой лекарский балахон?

— Нет, — ответил Тамаш и поправил на руке повязку, которая заменила утерянную перчатку, — это сильно нас задержит и привлечет внимание. Пока в королевстве спокойно — ни эпидемий, ни мора — мой дар всерадетеля не так уж и нужен; с простыми делами хорошо справляются и обычные лекари, которые ходят по трактам.

Эстер покачала головой:

— В дороге может всякое случиться... или встретиться. А лекаря, тем более всерадетеля, никто и пальцем не тронет.

— Ну, — улыбнулся Тамаш, — у нас такие попутчики, что и так никто не решится тронуть.

Эстер оглянулась на отдыхающую неподалеку парочку: мужчина расслабленно привалился к стволу и пожевывал

травинку, которая забавно подрагивала из-под капюшона, а девушка — невысокая и хрупкая — недовольно нахохлилась чуть поодаль, так, что из-под плаща торчали одни колени.

— Да, — согласилась Эстер, — хотя мне немного не по себе, особенно рядом с капитаном. Как думаешь, он до самых архивов с нами пойдет?

— Сложно предположить, — пожал плечами Тамаш. — Он не из тех, кто объясняет свои поступки. Но я уверен, он здесь неспроста — что-то поменялось после происшествия на болотах. В общем... как бы там ни было, мне в их присутствии спокойнее: дорога предстоит дальняя, а мы с тобой — легкая добыча для лихого народа. Правда, позже, когда выйдем к городам, могут возникнуть трудности.

— И какие же у тебя будут трудности? — раздался из-под капюшона голос Берка.

— Ну... ты довольно приметный, — охотно откликнулся Тамаш, — а нам бы лучше не выделяться.

— Приметный... — фыркнул капюшон. — Да вы, люди, дальше собственного носа не видите. Никому и дела нет до тех, кто ходит по дорогам.

— Здесь, на севере — да: тут и народу меньше, и не особо он разговорчивый. А вот южане любопытные, да еще и болтливые. И наша цель как раз на юге.

Берк пожал плечами и ничего не ответил. А Тамаш оглядел смуглые кисти орка, видневшиеся из-под плаща, и задумался — на свету кожа лишь немного отливала оливковым, и при беглом взгляде цвет сошел бы за чрезмерный загар, хотя в лесах Орман-Калик ему казалось, что орки более... зеленые, что ли. Он покрутил эту мысль и, не найдя объяснения, решил выкинуть из головы: кроме цвета кожи у капитана, безусловно, было достаточно черт, выделявших его среди окружающих — от доспеха и тяжелого вооружения до немаленького роста вкупе с атлетическим сложени-

ем. Такой спутник при всем желании не останется незамеченным. И если он действительно пойдет с ними до главной лекарской обители — монастыря в самом сердце южного герцогства, нужно будет что-то придумать с одеждой.

Тамаш перевел взгляд на даллу: вот она вполне могла бы затеряться среди людей — хрупкая, неприметная, но глаза... слишком яркие и слишком необычные для человека: большие травянисто-зеленые зрачки, окруженные тонким золотым ободком, мгновенно привлекали к ней внимание.

Тамаш оглянулся на Эстер, которая положила на колени лютню и в задумчивости пощипывала струны. Девушка изменилась — она заметно похорошела с первой их встречи, волосы отросли, кожа порозовела, лицо приобрело сдержанную девичью миловидность, а в фигуре появились заметные женские округлости, на которых мужская одежда слишком бросалась в глаза, делая женственность только очевиднее.

Тамаш вздохнул — в таком виде далеко они не уйдут. Нужно было что-то решать. К тому же леса должны скоро закончиться, и хочешь не хочешь идти придется по дорогам. Он снова перевел взгляд на капитана и деликатно спросил:

— Берк, а почему ты все-таки решил пойти с нами?

Орк пожал плечами:

— Людям нет дела до незнакомцев. А для меня... — он сделал паузу и кивнул на даллу, — и для нее пока лучше исчезнуть.

— Да, но ты мог выбрать любое направление, почему именно с нами?

— Ты недоволен? — недружелюбно осведомился Берк.

— Да нет, просто любопытно.

— Захотел и пошел, — буркнул орк. — Если тебя не устраивает, пойду в другую сторону.

— Не нужно, — улыбнулся Тамаш. — Я рад вашей компании. Правда. Нужно только придумать, как сделать вас не такими заметными.

На это Берк только неопределенно хмыкнул, а Тамаш снова поглядел на Эстер — северянка с рассеянной улыбкой наигрывала незатейливую мелодию. Вдруг ему пришла в голову неожиданная идея.

— Эстер, — окликнул он, и девушка, не прерывая музыки, вопросительно подняла взгляд, — я тут вот о чем подумал: если хочешь что-то спрятать, нужно положить это на видное место.

— Так говорят, да, — рассеянно откликнулась она, — но как это применимо к нам?

— Мы при всем желании не сможем смешаться с толпой — слишком разные и нас много. А вот стать неинтересными нам вполне под силу.

— И как? — удивилась Эстер и даже отложила лютню.

— Очень просто. — Тамаш загадочно подмигнул. — Такая компания, как наша, неизбежно бросается в глаза, а то, что выделяется, люди обычно запоминают. Зато на бродячих артистов никто и не взглянет, будь с нами хоть кто. К тому же в трактирах менестрелям бесплатно подносят еду, а бывает, что и ночевку дают в обмен на выступление. Южнее, где много поселений и почти нет лесов, это может быть очень кстати.

— Забавно. И кто у нас будет выступать? — улыбнулась Эстер.

Тамаш многозначительно поглядел на лютню.

— Что? — враз осипшим голосом пискнула Эстер. — Но я и знаю-то всего пару мелодий!

— У тебя тонкий слух и музыкальное чутье, — возразил Тамаш, — а песням я тебя научу.

— Ты их откуда знаешь?

— Я же много лет лечу простых людей, а они все делают с песней: и работают, и грустят, и радуются. Я тебе помогу.

Эстер растерянно оглянулась на орка с даллой, но те не проявили интереса к беседе, и она снова перевела взгляд на лекаря. Тот терпеливо ждал, и она с сомнением протянула:

— Не знаю... Мы ведь не похожи на артистов.

На это у Тамаша тоже оказался заготовлен ответ:

— Если я правильно представляю, где мы находимся, то довольно скоро должны выйти на дорогу и после — к небольшому городку. Там что-нибудь найдем из одежды — денег осталось немного, но должно хватить.

На следующий день они действительно вышли на ровный утопанный тракт, и идти стало значительно легче. Временами навстречу попадались странники — одиночки, по двое-трое или даже целыми семьями — они отрешенно брели на север, зачастую неся на плечах нехитрый домашний скarb и не обращая внимания на окружающих. Тамаш, исполняя свою затею, тихонько напевал для Эстер, и она так же тихо ему вторила, а по вечерам упражнялась с лютней и подбирала мелодии.

Привлеченные музыкой, Берк и Ксатра тоже, казалось, сменили холодность на осторожное любопытство. И хоть разговоры по-прежнему не клеились, но натянутость стала понемногу сглаживаться.

Дорога в основном шла через светлые лиственные леса, изредка выкатываясь на широкие, ровные, как стол, поля, где измученные зноем крестьяне жали сухие и ломкие колосья. Людей на тракте день ото дня прибавлялось — и не только горемычников, бредущих на север, но и самых обычных странников: пеших и конных, с торговыми обозами или на крестьянских телегах. А вскоре замаячили и невысокие городские стены.

Когда до города было рукой подать, Тамаш объявил остановку и предложил остальным подождать, пока он наведается в торговые ряды. К его удивлению, Берк вызвался присоединиться. И не сумев разубедить неразговорчивого капитана, Тамаш махнул рукой и отправился к городским стенам в компании орка, который после уговоров согласился не брать хотя бы оружие.

У ворот их встретили два стражника, изнывающие в раскаленных кольчугах. Они попросили Берка распахнуть плащ, скользнули по одежде безразличными взглядами и, не увидев запрещенных к ношению меча, лука или копья, пропустили путников с миром. А внутри стен Тамаш и Берк влились в общий людской поток и вскоре оказались на рыночной площади: узком, мощеном деревянными плашками пространстве с двумя небогатыми торговыми рядами.

Несмотря на невзрачный вид лавчонок, посетителей было много, и у прилавков царила оживленная суета. Стайка босоногих мальчишек гоняла потрепанный кожаный мяч, чем вызывала недовольные окрики потревоженных покупателей. У самого края площади Тамаш заметил необычную тележку: откинутый бортик балансировал на складной треугольной ноге и служил столиком, на котором аккуратно были расставлены баночки с разноцветными чернилами и деревянный стакан с перьями. Рядом сидел длинный худой писарь с кислой физиономией, и от него как раз отходил пышнобородый детина, довольно помахивая желтоватой бумагой. Сам же писарь прилаживал пробку к блестящей черной баночке.

Вдруг напротив выскочил взлохмаченный мальчуган и с торжествующим криком засадил по мячу. Но мяч вместо товарища отчего-то устремился к писарю и впечатался тому ровно в унылую физиономию, да так, что беднягу опрокинуло с табуретки. Под ругань несчастного мальчишек тотчас сдуло с площади, и через минуту уже снова царила

обычная суета. И только помятый писарь, бубня, оттирал перепачканное чернилами лицо и собирал с земли перья да раскатившиеся пузырьки.

Тамаш с Берком не теряя времени углубились в ряды. Орк без интереса глазел по сторонам, а лекарь быстро выбрал необходимые товары, для приличия поторговался и собрался уже уходить. Вдруг с той стороны, где сидел злополучный писарь, снова донеслись крики, а после и шум драки. Из проулков потянулись зеваки, и вся толпа внезапно пришла в движение и плотным клубком потекла к выходу. На одно мгновение люди расступились, и Тамаш увидел перепуганного писаря: его, заломив руки, тащили по мостовой, на белом от страха лице ярко выделялись темные разводы чернил. Рядом мелькнула пышная борода его недавнего посетителя. А потом толпа так же внезапно схлопнулась и поволокла свою добычу к ратуше, черневшей за ближайшими домами. Тамаш застыл. В ушах пульсировало повторенное многими голосами «меченый!».

Не задумываясь, он кинулся вслед за толпой, но путь внезапно заслонил Берк. Тамаш увернулся, и орк невежливо ухватил его за шиворот.

— Они же убьют его! — крикнул лекарь, пытаясь освободиться из унижительного захвата.

— Его — нет, — спокойно ответил Берк, — а вот у тебя, в отличие от него, не чернила. Парой синяков не отделаешься.

Тамаш замер и удивленно спросил:

— А ты откуда такое знаешь?

— Откуда надо. Ты все купил? Пора уходить.

Лекарь проводил взглядом последних зевак, дернул плечами, вынудив Берка отпустить воротник, и сказал:

— Дай мне пару минут — загляну в кожевную лавку.

Покинув город, они вернулись в редкую осиную рощицу, где оставили девушек. Настроение было так себе,

и делиться впечатлениями не хотелось, но Эстер настолько искренне обрадовалась их появлению, да еще сунула в руки большой лист лопуха, наполненный блестящими красными ягодами брусники, что на сердце отлегло. Тамаш переложил под мышку свертки с покупками и с удовольствием кинул в рот горстку тугих ягод. По языку разлилась приятная кислинка; чуть терпкий, сладковатый сок наполнил рот, и лекарь, зажмурившись от удовольствия, проглотил угощение.

— Где ты нашла эту прелесть? — спросил он.

— Здесь, недалеко. Мы с Ксатрой наткнулись на целую полянку.

— Очень вкусно, спасибо. — улыбнулся Тамаш. — У меня для вас тоже кое-что есть.

Он театрально развернул один из свертков, и Эстер, забыв про ягоды, воззрилась на пугающе яркий комплект.

Широкая юбка с пышной оборкой переливалась крупными красными цветами на черном фоне, а количества ткани, которое пошло на ее пошив, хватило бы на целое крестьянское семейство. Рубашка была не лучше — насыщенного алого цвета, в тон вульгарным розам, с несуразными рукавами, которые расходились широкими клиньями от локтя. И дополнял это великолепие черный атласный жилет на шнуровке.

— Напомни в следующий раз, чтобы я не доверяла тебе выбор одежды, — наконец скептически прокомментировала она.

— Да брось, — смутился Тамаш, — он не так плох.

— Ну, если сравнить с коричневым платьем, которое ты нашел в прошлый раз, тогда — да, — хмыкнула Эстер. — И во сколько же тебе обошлась эта красота?

— О! Не только эта!

Тамаш развернул второй сверток и гордо предъявил две мужские рубахи из плотного черного атласа.